

СЕЙЧАС ВСЕ ХОТЯТ РЕДКИХ ЧАСОВ ПЬЕР ЖАК, DE BETHUNE

настоящие хозяева de bethune —
это наши часовщики, работники мануфактуры,
которые трудом и потом заработали наше имя

De Bethune DB28
Yellow Tones

Пьер Жак дважды становился генеральным директором De Bethune. Сначала он был частью триумvirата, в который помимо него входили основатели марки бизнесмен Давид Занетта и часовщик Дени Флажолле. Затем он покинул марку, чтобы вернуться через несколько лет — в качестве уже не только генерального директора, но и совладельца бренда, выкупленного у Давида Занетты. Под руководством Пьера Жака марка пересмотрела цены, постаравшись уменьшить их до сотысячного максимума, упорядочила коллекции, не поступаясь при этом ни сложностью, ни качеством, ни дизайном.

— Как вам живется в качестве хозяина De Bethune, а не наемного директора?
— Настоящие хозяева De Bethune — это наши часовщики, работники мануфактуры, которые трудом и потом заработали наше имя.

— Меня так учили в Советском Союзе, и все же это не совсем так. Теперь на вас лежит еще большая ответственность, чем в вашей прошлой жизни, когда вы издавали часовой журнал GMT, работали в ритейле в Les Ambassadeurs или председательствовали на Grand Prix d'Horlogerie de Geneve. И чем тогда, когда большая часть капитала De Bethune принадлежала Давиду Занетте.

— Ответственность есть. Что такое руководить часовой мануфактурой, я узнал и в первые годы в De Bethune, и во время работы в Manufacture Contemporaine du Temps, MCT. Сейчас нам, я подчеркиваю «нам», приходится очень много работать, чтобы приспособить марку к новой реальности производства и распространения. Но речь ни в коем случае не идет о спасательной операции. Спасать De Bethune не нужно. Не от чего.

— Но ведь говорят, что вы вынуждены были вчетверо сократить число работников и, соответственно, выпускаемых часов.

— Это было результатом предыдущих успехов. С 2011 по 2014 год мы росли как на дрожжах. Спрос только увеличивался. Мы подошли к кризису с командой в 60 человек, которые выпускали более 400 часов в год. Мы работали на пределе возможностей. И нас ждала катастрофа за катастрофой — скачки франка, санкции в России, которая была и остается для нас важным рынком. Следовало бить тревогу еще тогда, а не повышать цены. Сейчас мы приводим свои мощности в соответствие со спросом. И стараемся устанавливать на наши новые часы еще более справедливые цены. Вот моя работа. Остальное — на месте. И это главное.

— Что же «на месте»? Что вы имеете в виду?

— Мы не потеряли нашу инженерную команду, которая под руководством Дени Флажолле работает в интересах не только марки, но и всего часового

искусства. У нас отличная техника производства, квалифицированные мастера, просто мы не хотим больше бежать впереди паровоза. И то, что я пришел в De Bethune в качестве акционера, только добавляет осторожности. Я хорошо знаю наш прекрасный дом, и пусть мы совершали ошибки в прошлом, мы работаем усердно, знаем свои силы и слабости, и понимаем, чего мы хотим.

— На прошлом часовом конкурсе Grand Prix d'Horlogerie de Geneve вы были награждены за De Bethune DB25 Starry Varius Chronometre Tourbillon. Это хороший аванс?

— Это прекрасная премия. Но ведь не первая. Я напому вам, что марка De Bethune получила в 2011 году главный приз Grand Prix d'Horlogerie de Geneve «Золотую стрелку», а в 2014-м была отмечена призом за лучший хронограф. Наша модель, ставшая лучшим хронометром Швейцарии по версии GRNG, — законный повод для гордости, которая, кстати, поддерживается и статистикой продаж призовых часов. Многие бранят Grand Prix. Я им руководил, я хорошо понимаю, какие существуют плюсы и минусы, но его значение для марок очевидно, его трудно переоценить.

— В новой модели вы изменили синему цвету ради желтого. Это новый стиль De Bethune?

— Мы остаемся верны синему цвету, который нас прославил. Мы всего лишь добавили желтый в нашу коллекцию. Когда-то мы первыми ввели глубокий синий цвет закаленного металла. Теперь все этим пользуются, синий стал более распространенным. Надо пробовать и что-то новое.

— Какой часовой салон вы выберете в 2020 году — в Женеве или в Базеле? Они ведь будут проходить практически одновременно, один за другим.

— Я думаю пробить три дня в Женеве, три дня в Базеле. Это очень разные салоны, на них разные клиенты и журналисты, оба нам важны.

— Как вы оцениваете нынешние часовые тенденции? И что предстоит часовщикам дальше?

— Мне кажется, настало время реформ. Вспомните, когда-то все часы были карманными, а потом все они стали наручными. Вспомните приход кварца. Такое может случиться и сейчас. Конечно, главной проблемой станет привлечь молодежь и создать такое часовое искусство, которое им будет интересно. Сейчас все хотят редких, а то и единственных в своем роде часов. Небольшие по объемам производства марки способны ответить на это желание и в то же время дать гарантию, что часы будут ходить, обслуживаться, ремонтироваться.

Беседовали Алексей Тарханов и Урс Дюмаре